

КНИГИ

Незнакомый Прокофьев

Есть такая книжная серия: "Если бы (Моцарт, Гёндель, Лист etc) вел дневник". Сергей Прокофьев его действительно вел — с небольшими перерывами вплоть до 1933 года, когда, решив после пятнадцати лет жизни на Западе окончательно обосноваться в СССР, расстался с многолетней привычкой. Расшифрованные сыном великого композитора Святославом (Прокофьев, как известно, имел обыкновение опускать при письме гласные), Дневники совсем недавно были изданы внуком Сергеем в Париже, где у него собственное издательство под названием "sprkfv": так всегда подписывался дед. Дневники изданы по-русски, и часть тиража была отправлена в Россию.

На презентации, состоявшейся в помещении нотного магазина, некогда принадлежавшего Юргенсону, первому российскому издателю Прокофьева, маститые музыковеды, словно соревнуясь, все выше и выше поднимали планку события. Звучали слова "сенсация", "землетрясение", говорилось о желании затвориться на необитаемом острове, дабы читать без помех, наконец, Дневникам приписывалось совершенно выдающееся собственное литературное значение, а их автор сравнивался с величайшими писателями от М.Булгакова до Л.Толстого. Причем подобную экзальтацию демонстрировали не только дамы.

Сразу же успокоил читателей: никаких землетрясений публикация прокофьевских Дневников не вызовет, да и сенсаций особых там нет, если не считать за таковые неприличный ракурс, в котором предстают подчас те или иные известные фигуры. К большой литературе, при всем очевидном литературном даровании Прокофьева, Дневники также отношения не имеют. И тем не менее читать их необычайно интересно.

И не только потому, что Дневники дают представление об особенностях творческого процесса композитора, о том, как создавалось то или иное произведение.

Дневники Прокофьева — это прежде всего автопортрет, написанный с наивозможной объективностью по отношению к самому себе. Каким же предстает перед нами великий композитор? Обыкновенным (не в смысле заурядным) человеком, который крепко стоит на земле и которому не чуждо ничто человеческое. В юные годы он постоянно увлечен кем-нибудь из представительниц прекрасного пола, хотя долгое время увлечения эти носят вполне платонический характер (когда приходит черед настоящих романов, Прокофьев уже далеко не столь откровенен и многословен). Он любит путешествовать и жить на природе, неравнодушен к вкусной еде. Довольно меркантилен — торговле из-за гонимых отведено ой как немало строк. Эгоцентричен — и вместе с тем готов на многое ради друзей и близких.

В отличие от мемуаров, жанр дневников позволяет наблюдать человека в развитии. Дневники Прокофьева охватывают четверть века, и их герой меняется буквально у нас на глазах. Убежденный противник брачных уз превращается в семьянина, пусть и не во всем примерного. Равнодушный до поры к религиозным вопросам, рациональным путем приходит к вере, становясь убежденным сайентистом. Настолько убежденным, что пытается бороться со своими недомоганиями (включая хронические головные боли и проблемы с сердцем) методами, предлагаемыми Christian Science, прибегая к услугам медиков лишь в редких случаях.

Объективность в отношении других дается Прокофьеву гораздо труднее. Он может весьма уничижительно отзываться о чуждых ему фигурах и явлениях, но в то же время готов признавать достоинства своих соперников и недоброжелателей. Прокофьев — превосходный портретист, и такие фигуры, как, например, Стравинский, Дягилев, Рахманинов, Глазунов, Мейерхольд, Ку-

севицкий, Бальмонт, Кабаланка, Луначарский, и еще многие другие представлены очень выпукло, хоть порой и не без элементов шаржа.

Дневники Прокофьева — это и портрет времени, которое они охватывают (1907 — 1933). Правда, при всей своей наблюдательности Прокофьев воспринимал политику довольно поверхностно. Именно поэтому, несмотря на целый ряд предостережений с обеих сторон, он принял решение окончательно вернуться в СССР как раз в 1933 году, то есть незадолго до инспирированной с самого верха печально известной статьи "Сумбур вместо музыки", открывшей сезон охоты на композиторов и прочих деятелей культуры. Прокофьева это непосредственно коснется значительно позже. А пока ему доведется пережить уничтожение театра своего друга Мейерхольда, а потом и самого Мастера, так и не успевшего осуществить ни одной из задуманных постановок прокофьевских опер. Но все это уже не найдет отражения на страницах Дневника. Переехав в СССР, Прокофьев навсегда расстается со своим хобби, очевидно, опасаясь даже наедине с собой откровенно высказываться о происходящем в стране.

Два увесистых тома по восемьсот с лишним страниц осилит не каждый. Прокофьевские Дневники, пожалуй, и не предназначены для широкой аудитории, но издатели, к сожалению, вообще не подумали о читателях. Это "шикарное" (как выразился кто-то на презентации) издание, похожее, в первую очередь, рассчитано на то, чтобы красоваться под стеклом в музейных витринах. То же, кто собирается его читать, ожидают серьезные неудобства. Книга напечатана на очень плотной бумаге и при этом — как сейчас модно на Западе — не в твердой обложке. Каждый том весит по полтора килограмма, и держать их перед собой раскрытыми — нелегкий труд.

В отличие от значительной части выпускаемых сегодня книг, здесь очень мало опечаток, но есть вместе с тем весьма досадные ошибки. Так, например, знаменитые листовские "Прелюды" дважды в тексте названы "Прелюдиями". Особенно пестрят ошибками постраничные комментарии составителей. Например, в тексте "Маккавей" (речь идет об опере А.Рубинштейна) комментаторы же почему-то отсылают нас к гонимой орактории "Иуда Маккавей"; в тексте — "Пророк" (опера Дж.Мейербергера), а нас отсылают к гонимому же "Мессии". В указателе имен режиссер И.Лапицкий назван дирижером, годом смерти Голованова значится 58-й, а не 53-й, и что совсем уж анекдотично, годом рождения В.И.Ленина — 1891-й (!).

Впрочем, не будем заикливаться на мелочах. Главное, что Дневники изданы и пришли в Россию. Пришла, правда, лишь треть от трехтысячного тиража (и продается по очень дорогой цене). В любом случае необходимо новое, российское издание Дневников с подробными комментариями. И необходима новая биография Прокофьева, проливающая свет на многие обстоятельства его жизни, о которых в советское время по понятным причинам не говорилось.

Дмитрий МОРОЗОВ

Рубинштейн — 2003 — 26 июня — 2 июля — с. 13